

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

DOI: 10.21128/1812-7126-2017-4-142-156

АПРЕЛЬ • 2017

Постановление от 18 апреля 2017 года № 12-П по делу о проверке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201704200031; дата опубликования: 20.04.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на труд; государственная служба; увольнение; уголовное наказание; обратная сила уголовного закона; принцип равноправия и справедливости.

Заявитель: гражданка О. И. Гурова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации постольку, поскольку на его основании принимается решение об увольнении со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в случае их осуждения вступившим в законную силу обвинительным приговором суда за деяния, которые на момент принятия такого решения более не признаются преступлениями.

Производство по делу в отношении пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» прекращено, поскольку они не применялись при разрешении дела заявительницы.

Позиция заявителя: оспариваемые нормативные положения, как устанавливающие

безусловный и бессрочный запрет на прохождение службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы лицами, имевшими судимость, не предусматривая необходимость учёта при решении вопроса об увольнении такого лица вида и тяжести совершённого им противоправного деяния, формы вины, срока, прошедшего с момента снятия или погашения судимости, его отношения к исполнению служебных обязанностей, обстоятельств, характеризующих личность, а также факта декриминализации преступного деяния, несоразмерно ограничивают право каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду и на получение социальных гарантий, а также нарушают баланс конституционно значимых ценностей, и тем самым нарушают права, гарантируемые статьями 15, 19 (части 1 и 2), 37 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не соответствующим Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4), 37 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой — по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой в системе действующего правового

го регулирования, — он предполагает увольнение со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сотрудников, осуждённых вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, притом что деяния, в связи с совершением которых они были осуждены, на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнении со службы были декриминализованы.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Правоприменительные решения в отношении заявителя подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, посредством прохождения которой граждане реализуют своё право на труд, представляет собой, как и служба в органах внутренних дел, особый вид государственной службы, связанной с обеспечением общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах (см.: *постановления от 26 декабря 2002 года № 17-П и от 15 октября 2013 года № 21-П*).

Вопрос о возможности продолжения профессиональной деятельности лицом, которое было привлечено к уголовной ответственности за совершение деяния, декриминализованного новым уголовным законом к моменту принятия решения об увольнении этого лица и к которому в силу особенностей его правового статуса предъявляются специальные требования, разрешён Конституционным Судом РФ применительно к лицам, проходящим службу в органах внутренних дел:

при применении пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующего служебные отношения, вступая в которые гражданин реализует своё конституционное право на труд, необходимо учитывать волю федерального законодателя, устранившего преступность и наказуемость того или иного деяния;

правовое регулирование, предполагающее обязательное и безусловное расторже-

ние контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение со службы сотрудника, в отношении которого уголовное преследование по делу частного или публичного обвинения в связи с примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием прекращено, если совершённые ими деяния на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнении со службы более не признаются преступлениями, ставит его в неравное положение с сотрудниками органов внутренних дел, совершившими аналогичные деяния после их декриминализации, и потому не соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом и нарушает конституционные права увольняемого лица.

Сформулированные по этому вопросу правовые позиции Конституционного Суда РФ могут быть распространены и на соответствующие случаи увольнения со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, которые выполняют возложенные на них задачи в публичных интересах и имеют схожий правовой статус. Иное означало бы нарушение конституционных принципов равенства и справедливости, которые гарантируют защиту от всех форм дискриминации, предполагают, что при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении, и соблюдение которых означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 26 мая 2015 года № 11-П и др.*).

Правовые позиции, выраженные Конституционным Судом РФ в *постановлениях от 21 марта 2014 года № 7-П и от 11 ноября 2014 года № 29-П* применительно к увольнению сотрудников органов внутренних дел, в отношении которых было прекращено уголовное преследование за совершение ими деяния, утратившего в дальнейшем уголовно-правовую оценку в качестве преступного, могут быть использованы и при оценке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации применительно к случаям увольнения сотрудни-

ков учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, осуждённых за совершение преступления, впоследствии декриминализованного.

Уголовный закон, устранивший преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, согласно статье 54 (часть 2) Конституции РФ и конкретизирующей её требования в статье 10 УК РФ, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость, а потому воля федерального законодателя должна учитываться и при применении иных, помимо уголовного, законов, предусматривающих общеправовые последствия совершения лицом уголовно наказуемого деяния. В противном случае лица, подвергнутые уголовному преследованию и осуждению до принятия уголовного закона, устранившего уголовную ответственность, находились бы в неравном положении с теми лицами, которые совершили аналогичные деяния после вступления в силу нового уголовного закона, исключающего возможность уголовного преследования и осуждения данных лиц по приговору суда.

Тем самым нарушались бы конституционные принципы справедливости, юридического равенства и конституционной законности и

обусловленные ими критерии действия закона во времени и по кругу лиц, в силу которых совершение деяния, впоследствии утратившего уголовно-правовую оценку в качестве преступного, не может служить таким же основанием для установления ограничений прав, как совершение преступления, и которые распространяются на все декриминализованные деяния независимо от времени их совершения и на всех лиц (см.: *постановления от 20 апреля 2006 года № 4-П, от 18 июля 2013 года № 19-П, от 21 марта 2014 года № 7-П и от 11 ноября 2014 года № 29-П*).

Соответственно, поскольку правовое значение декриминализации носит общий характер и поскольку служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы по своей природе сходна со службой в органах внутренних дел, увольнение со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в связи с их осуждением за совершение деяний, которые на момент решения вопроса об увольнении утратили уголовно-правовую оценку в качестве преступных, не может рассматриваться как согласующееся с природой Российской Федерации как правового государства, высшей ценностью которого являются права и свободы человека и гражданина, подлежащие защите на основе конституционного принципа равенства.

МАЙ • 2017

Постановление от 11 мая 2017 года № 13-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201705160001; дата опубликования: 16.05.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; уголовное судопроизводство; пожизненное лишение свободы; коллегия присяжных заседателей; гендерное равенство; дискриминация.

Заявитель: Ленинградский областной суд (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ постольку, поскольку с учётом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК РФ, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, — им исключается предусмотренная пунктом 2 части второй статьи 30 УПК РФ возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи Верховно-

го суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, предусмотренном пунктом «б» части четвёртой статьи 229.1 УК РФ, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

Позиция заявителя: пункт 1 части третьей статьи 31 УПК РФ во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса и положениями УК РФ не позволяет лицам женского пола, обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных частью пятой статьи 228.1 и частью четвёртой статьи 229.1 УК РФ, воспользоваться — в отличие от лиц мужского пола — правом ходатайствовать о рассмотрении своего уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, что, порождает неопределённость относительно установления подсудности соответствующих уголовных дел и противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности и других обстоятельств.

Итоговый вывод решения: признать пункт 1 части третьей статьи 31 УПК РФ не соответствующим Конституции РФ, её статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК РФ, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ, им исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части четвёртой статьи 229.1 УК РФ, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе.

Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции РФ и с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в УПК РФ изменения, обеспечивающие женщинам, обвиняемым в совершении преступлений, за совершение

которых в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривается пожизненное лишение свободы или смертная казнь, реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей наравне с мужчинами, уголовные дела по обвинению которых в совершении таких преступлений при тех же условиях могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей.

Мотивы решения. Одной из основополагающих гарантий права на судебную защиту и его неперменной составляющей является закреплённое статьёй 47 (часть 1) Конституции РФ право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. По смыслу статей 20 (часть 2), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции РФ, право на законный суд включает и право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в предусмотренных федеральным законом случаях; непосредственное регулирование данного права, как следует из указанных статей Конституции во взаимосвязи с её статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3), является дискрецией федерального законодателя. При этом федеральный законодатель не вправе, учитывая требования статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ, допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.

Дискреция федерального законодателя в регулировании отношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности действовать правомерным образом, то есть исходя из необходимости обоснованной и объективно оправданной дифференциации процессуальных форм судебной защиты при сохранении баланса конституционных ценностей и соблюдении принципа правовой определённости, не допуская несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина и при безусловном обеспечении гарантированных Конституцией РФ равенства всех перед законом и судом и равноправия.

Ранее в Постановлении от 25 февраля 2016 года № 6-П Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель обязан соблюдать принцип юридического равенства, закреплённый в том числе статьями 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3) Конституции, который гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту. Решение вопроса о предоставлении обвиняемым возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в зависимости от гендерного фактора (только женщинам или только мужчинам) приводило бы к нарушению конституционных гарантий права на судебную защиту. Отсутствие в ряде случаев у женщин возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей — притом что мужчины в аналогичных случаях права заявить соответствующее ходатайство не лишены — приводит к дискриминации лиц женского пола при реализации ими права на судебную защиту.

Выраженные в указанном постановлении правовые позиции, по смыслу которых подсудность уголовного дела и связанные с ней возможности выбора состава суда не должны зависеть от такого признака, как пол обвиняемого, распространяются и на решение вопроса о возможности рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им

по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части четвёртой статьи 229.1 УК РФ.

Конституционный Суд указал, что уголовные дела по обвинению женщин в совершении преступлений, предусмотренных частью четвёртой статьи 210, частью пятой статьи 228.1, частью четвёртой статьи 229.1, статьями 277, 295, 317 и 357 УК РФ, если судебные заседания по этим уголовным делам на момент вступления настоящего Постановления в силу не назначены, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, а по ходатайству обвиняемых — судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей; подсудность и состав суда по уголовным делам, судебные заседания по которым на указанный момент уже назначены к рассмотрению, изменению, в том числе в рамках и по результатам их рассмотрения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, не подлежат.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 года о ликвидации дискриминации в отношении женщин; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года.

Постановление от 23 мая 2017 года № 14-П по делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201705250002; дата опубликования: 25.05.2017)

Правовые категории в Постановлении: иностранные граждане и лица без гражданства; право на свободу и личную неприкосновенность; лишение свободы; порядок въезда, выезда и пребывания иностранных граждан в Российской Федерации; право на обращение в суд; содержание в специальном учреждении; фактическая невозможность исполнения административного наказания в виде административного выдворения.

Заявитель: лицо без гражданства Н. Г. Мсхиладзе (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статей 31.7 и 31.9 КоАП РФ, поскольку на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о содержании в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в

Российской Федерации», лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии фактической возможности исполнения постановления о выдворении.

Позиция заявителя: оспариваемые нормативные положения, как не позволяющие суду до истечения двухлетнего срока давности исполнения постановления о назначении лицу без гражданства административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации разрешить вопрос о законности лишения такого лица свободы (содержания в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации») при возникновении обстоятельств, свидетельствующих о невозможности реального исполнения назначенного ему административного наказания, нарушают права, гарантированные статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 21, 22, 46 (части 1 и 2) и 54 (часть 2) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать положения статей 31.7 и 31.9 КоАП РФ не соответствующими Конституции РФ, её статьям 18, 22, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 62 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не позволяют разрешить в судебном порядке вопрос о правомерности дальнейшего содержания лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии на момент рассмотрения данного вопроса фактической возможности исполнения постановления об административном выдворении этого лица за пределы Российской Федерации.

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно внести в КоАП РФ изменения, направленные на обеспечение эффективного судебного контроля за сроками содержания подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации лиц без гражданства в специальных учреждениях, предусмотренных Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений лицам без гражданства, помещённым в специальные учреждения, предусмотренные Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии фактической возможности их выдворения, во всяком случае по истечении трёх месяцев со дня принятия постановления о назначении такого наказания, должно быть предоставлено право на обращение в суд с заявлением о проверке законности и обоснованности дальнейшего содержания в соответствующем специальном учреждении, что не исключает принятие судом решения об отказе в его удовлетворении, если основания для помещения в специальное учреждение сохраняются, а реальная возможность выдворения за пределы Российской Федерации не утрачена.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании положений статей 31.7 и 31.9 КоАП РФ в той мере, в какой эти положения признаны не соответствующими Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Помещение иностранного гражданина или лица без гражданства в специальное учреждение, предусмотренное Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», будучи мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, может применяться судьёй при назначении административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации и состоит во временном лишении этих лиц свободы посредством их подконтрольного (поднадзорного) содержания в таком специальном учреждении до принудительного выдворения за пределы Российской Федерации. Её использование в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которым назначено указанное административное наказание, — при соблюдении критериев обоснованности, пропорциональности и разумности нормативного установления и практического применения — само по себе не может рассматриваться как выходящее за пределы конституционной дискреции законодательной, исполнительной и судебной власти. При этом, применяя данную

факультативную меру, судья обязан — исходя из того, что она является не чем иным, как одной из форм ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, — основывать своё решение на всестороннем и объективном учёте соответствующих обстоятельств (характер совершённого лицом административного правонарушения, предшествующее поведение этого лица, продолжительность его нахождения на территории Российской Федерации, наличие постоянного места жительства, семейное положение, состояние здоровья и т. п.), с тем чтобы избежать произвольного вторжения в сферу личной автономии индивида при исполнении постановления об административном выдворении иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы Российской Федерации.

При этом из-за отсутствия у судьи возможности прекратить исполнение принятого им постановления (пункт 6 статьи 31.7 КоАП РФ), даже если фактическое выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства по тем или иным причинам, в частности из-за отсутствия государства, готового принять его у себя, затягивается на непредсказуемо длительный срок, последовательное применение действующего законодательства об административных правонарушениях приводит к тому, что содержание таких лиц в специальном учреждении может продолжаться до истечения срока давности исполнения постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации, который согласно части 1 статьи 31.9 КоАП РФ составляет два года и исчисляется со дня вступления соответствующего постановления в законную силу. Неопределённость относительно продолжительности содержания иностранного гражданина или лица без гражданства в специальном учреждении в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации в ситуации, когда сама возможность их выдворения сопряжена со значительными трудностями, вероятность возникновения которых заметно выше в отношении лиц без гражданства, усугубляется отсутствием в КоАП РФ норм, предусматривающих судебный контроль за законностью и обоснованностью сроков содержания в специальном

учреждении вне зависимости от времени, прошедшего с момента помещения в такое учреждение, а равно от каких-либо иных факторов, препятствующих фактическому выдворению за пределы Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ ранее указывал, что из статьи 22 Конституции РФ во взаимосвязи с её статьёй 55 (части 2 и 3) вытекает, что задержание иностранного гражданина или лица без гражданства на срок, необходимый для выдворения за пределы Российской Федерации, не должно восприниматься как основание для задержания на неопределённый срок даже тогда, когда решение вопроса о выдворении этого лица может затянуться вследствие того, что ни одно государство не соглашается его принять; в противном случае задержание как необходимая мера по обеспечению исполнения постановления о выдворении лица за пределы Российской Федерации превращалось бы в самостоятельный вид наказания, не предусмотренный законодательством Российской Федерации и противоречащий Конституции РФ (см.: *Постановление от 17 февраля 1998 года № 6-П*).

Отсутствие у лица, помещённого в специальное учреждение, предусмотренное Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в целях обеспечения исполнения назначенного ему постановлением судьи административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, права на судебное оспаривание законности и обоснованности содержания в таком учреждении, тем более в случае, когда лишение его свободы затягивается на длительный срок вследствие тех или иных обстоятельств, препятствующих фактическому выдворению (например, по причине отсутствия согласия другого государства принять лицо без гражданства, как это имело место в отношении заявителя по настоящему делу), не согласуется с конституционными принципами необходимости и соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека (статьи 3, 8 и 9); Международный пакт о гражданских и политических правах (статьи 2 и 9); Конвенция о защите прав человека и основных свобод

(статья 5); Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года) (статья 1, подпункт «а» пункта 1 статьи 5, статья 7); постановления Европейского Суда по правам человека от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmasche) против Франции» (№ 3), от 25 мая 1998 года по делу «Курт (Kurt) против Турции», от 16 июля 2015 года

по делу «Алексей Борисов против России», от 28 марта 2017 года по делу «З. А. и другие против России»; от 27 сентября 2011 года по делу «Алим против России», от 5 июня 2012 года по делу «Шакуров против России», от 18 апреля 2013 года по делу «Азимов против России», от 17 апреля 2014 года по делу «Исмаилов против России»; от 17 июля 2014 года по делу «Ким против России», от 15 января 2015 года по делу «Эшонкулов против России», от 26 февраля 2015 года по делу «Халиков против России».

ИЮНЬ • 2017

Постановление от 6 июня 2017 года № 15-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201706090023; дата опубликования: 09.06.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: подсудность уголовных дел; принцип равноправия; пожизненное лишение свободы; смертная казнь.

Заявитель: Ленинградский областной суд (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, согласно которому в системе действующего правового регулирования исключается рассмотрение верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью пятой статьи 228.1 УК РФ, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина, поскольку во взаимосвязи с частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ женщинам не назначаются наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни.

Позиция заявителя: оспариваемое положение, исключающее возможность рассмотрения уголовных дел в отношении женщин, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных частью пятой статьи 228.1 УК РФ, верховным судом республики, кра-

евым, областным или другим равным им по уровню судом, не соответствует статьям 19, 47 и 55 Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать пункт 1 части третьей статьи 31 УПК РФ не соответствующим Конституции РФ, её статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой во взаимосвязи с частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ им исключается рассмотрение в системе действующего правового регулирования верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом уголовных дел по обвинению женщин старше восемнадцати лет в совершении преступления, предусмотренного частью пятой статьи 228.1 УК РФ, притом что уголовные дела по обвинению мужчин в совершении таких преступлений при тех же условиях подлежат рассмотрению судом данного уровня. Федеральному законодателю надлежит внести в УПК РФ изменения, обеспечивающие женщинам наравне с мужчинами, реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом соответствующего уровня на основе принципов юридического равенства и равноправия и без какой бы то ни было дискриминации.

Конституционный Суд РФ, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федераль-

ного конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяет следующий порядок исполнения Постановления: уголовные дела по обвинению женщин в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105, частью четвертой статьи 210, частью пятой статьи 228.1, частью четвертой статьи 229.1, статьями 277, 295, 317 и 357 УК РФ, если судебные заседания по этим уголовным делам на момент вступления настоящего Постановления в силу не назначены, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом; подсудность и состав суда по уголовным делам, судебные заседания по которым на указанный момент уже назначены, изменению, в том числе в рамках и по результатам их рассмотрения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, не подлежат.

Мотивы решения. Регулируя правоотношения, определяющие реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, федеральный законодатель действует в рамках предоставленной ему дискреции, которая не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при конкретизации предписаний статей 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 46 (часть 1), 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции РФ действовать правомерным образом и — исходя из необходимости сохранения баланса конституционных ценностей и соблюдения принципа правовой определенности — не допускать несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина при безусловном обеспечении гарантированных Конституцией РФ равенства всех перед законом и судом и равноправия.

Конституционный Суд РФ ранее рассматривал вопрос о конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, устанавливающего подсудность уголовных дел верховному суду республики, краевому, областному и другим равным им по уровню судам, в контексте права граждан на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей (см.: *постановления от 25 февраля 2016 года № 6-П, от 16 марта 2017 года № 7-П и от 11 мая 2017 года № 13-П*), и — с учётом ранее сформулированных им правовых позиций (см.: *постановления от 9 июля 2009 года № 12-П, от 22 октября 2009 года № 15-П, от 27 ноября 2009 го-*

да № 18-П, от 3 февраля 2010 года № 3-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 28 мая 2010 года № 12-П и др.) — пришёл к следующим выводам:

имеющая место в сложившейся системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования дифференциация подсудности уголовных дел определённой категории в зависимости от возможности назначения наиболее строгого вида наказания (в рамках действующего в России конституционно-правового режима неприменения смертной казни таковым является пожизненное лишение свободы) сама по себе допустима, поскольку преследует цель реализации принципов гуманизма и справедливости в сфере соответствующих правоотношений. Однако, чтобы достичь этой цели, федеральный законодатель обязан соблюдать закреплённый Конституцией РФ, в том числе статьями 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3), принцип юридического равенства, который гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту;

между тем любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции РФ, вытекающим из универсального принципа юридического равенства, в силу которого такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства. Отсутствие же в ряде случаев у женщин возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, обусловленное в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ, предписаниями пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, не имеет под собой каких-либо конституционно-правовых оснований и — притом что мужчины в аналогичных случаях права заявить соответствующее ходатайство не лишены — приводит к дискриминации лиц женского пола при реализации ими права на судебную защиту;

следовательно, вытекающая из пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ во взаимосвязи с положениями Общей части УК РФ дифференциация подсудности уголовных дел

не отвечает принципу юридического равенства, ограничивает женщин в осуществлении права на законный суд и в конечном счёте — в праве на равную с мужчинами судебную защиту прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ.

Это означает, что пункт 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, как исключаящий во взаимосвязи с частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ рассмотрение в системе действующего правового регулирования верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом уголовного дела по обвинению женщины старше восемнадцати лет в совершении преступления, предусмотренного частью пятой статьи 228.1 УК РФ, — притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях подлежит рассмотрению судом данного уровня, — не соответствует Конституции РФ,

её статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4).

Лежащие в основе российского конституционного правопорядка общеправовые принципы равенства и правовой определённости распространяются и на установление подсудности уголовных дел по обвинению женщин в иных, помимо предусмотренных частью второй статьи 105, частью пятой статьи 228.1 и пунктом «б» части четвёртой статьи 229.1 УК РФ, преступлениях, за совершение которых в качестве наиболее строгого вида наказания предусматриваются пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин от 7 ноября 1967 года; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года.

Постановление от 22 июня 2017 года № 16-П по делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201706270037; дата опубликования: 27.06.2017)

Правовые категории в Постановлении: истребование жилого помещения; добросовестный приобретатель; выморочное имущество; собственность публично-правовых образований; государственная регистрация права собственности.

Заявитель: гражданин А. Н. Дубовец (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 статьи 302 ГК РФ, предусматривающий право собственника истребовать принадлежащее ему имущество от добросовестного приобретателя в случае, когда это имущество выбыло из владения собственника помимо его воли, — применительно к случаям истребования жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение не соответствует статьям 1, 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 35 (части 1, 2 и 3), 40 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ в той мере, в какой оно

позволяет правоприменителям произвольно толковать понятие «добросовестный приобретатель» и, соответственно, изымать по искам публично-правовых образований в лице уполномоченных органов недвижимое имущество, являвшееся выморочным, у граждан — последних его приобретателей, право собственности которых и законность всех предшествовавших приобретению этого права сделок признавались государством в рамках государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемое законоположение не соответствующим Конституции РФ, её статьям 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой оно допускает истребование как из чужого незаконного владения жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя, который при возмездном приобретении этого жилого помещения

полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску соответствующего публично-правового образования в случае, когда данное публично-правовое образование не предприняло — в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом — своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество.

Правоприменительные решения по делу заявителя, вынесенные на основании пункта 1 статьи 302 ГК РФ в той мере, в какой он признан настоящим Постановлением не соответствующим Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. При регулировании прав на жилое помещение, включая переход права собственности на жилое помещение, необходимо соблюдение, с одной стороны, принципа свободы и неприкосновенности собственности, а с другой — баланса прав и охраняемых законом интересов всех участников отношений в конкретных жизненных ситуациях, с тем чтобы избежать необоснованного ограничения конституционных прав и свобод. При этом законоположения, регулирующие отношения собственности и иные имущественные отношения по поводу жилых помещений должны отвечать требованиям ясности, точности и непротиворечивости, а механизм их действия должен быть предсказуем и понятен субъектам правоотношений.

Использование в оспариваемом законоположении оценочного понятия «добросовестный приобретатель» само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителя. Помимо самого пункта 1 статьи 302 ГК РФ, определяющего «добросовестного приобретателя» как приобретателя, который не знал и не мог знать, что лицо, у которого приобретено имущество, не имело права его отчуждать, уточняющие разъяснения также содержатся и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 года № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», а также в обзорах судебной практики

по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей по искам государственных органов и органов местного самоуправления. Так, при определении добросовестности приобретателя необходимо учитывать наличие на момент совершения сделки по приобретению имущества сведений о праве собственности отчуждателя имущества в Едином государственном реестре недвижимости; соответствие сделки по отчуждению недвижимого имущества признакам действительности сделки; проявление гражданином разумной осмотрительности при заключении сделки и другие значимые факторы.

Оспариваемое законоположение не учитывает ненадлежащего исполнения компетентными органами публично-правового образования своих обязанностей, совершения ошибок, а также не отвечающей критериям разумности и осмотрительности реализации ими правомочий по установлению выморочного имущества и оформлению права на него. Применительно к жилым помещениям защита имущественных интересов публично-правового образования за счёт ущемления интересов добросовестного приобретателя — гражданина, который возмездно приобрел соответствующее жилое помещение, в подобной ситуации недопустима, тем более учитывая, что публичный интерес в предоставлении жилого помещения по договору социального найма лицам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, может быть удовлетворён за счёт иного жилого помещения.

С жилым помещением, истребуемым его собственником из владения гражданина, связаны не только конституционно значимые имущественные интересы этого гражданина как добросовестного приобретателя, но и конституционные гарантии реализации им права на жилище. С другой стороны, интерес публично-правового образования, которое истребует выморочное жилое помещение с целью включения его в соответствующий жилищный фонд социального использования для последующего предоставления лицу, которое на момент истребования жилого помещения не персонифицировано, существенно отличается от интереса конкретного собственника-гражданина, который истребует выбывшее из его владения жилое помещение: в делах, где отсутствует конкретное лицо,

для реализации потребности в жилище которого истребуется жилое помещение, именно этот — публичный — интерес противопоставляется частным имущественным и неимущественным интересам конкретного добросовестного приобретателя жилого помещения.

При регулировании гражданско-правовых отношений между собственником выморочного имущества и его добросовестным приобретателем справедливым было бы переложение неблагоприятных последствий в виде утраты такого имущества на публично-правовое образование, которое могло и должно было предпринимать меры по его установлению и надлежащему оформлению своего права, поскольку пренебрежение требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом со стороны собственника — публично-правового образования в лице компетентных органов не должно влиять на имущественные и неимущественные права граждан — добросовестных приобретателей.

Государство в лице уполномоченных законом органов и должностных лиц, действующих при осуществлении процедуры государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основе принципов проверки законности оснований регистрации, публич-

ности и достоверности государственного реестра, подтверждает тем самым законность совершения сделки по отчуждению объекта недвижимости. Проверка же соблюдения закона при совершении предшествующих сделок с недвижимым имуществом со стороны приобретателя этого имущества зачастую существенно затруднена или невозможна. Соответственно, при разрешении споров об истребовании имущества у добросовестного приобретателя существенное значение следует придавать как факту государственной регистрации права собственности на данное жилое помещение за лицом, не имевшим права его отчуждать, так и оценке действий (бездействия) публичного собственника в лице уполномоченных органов, на которые возложена компетенция по оформлению выморочного имущества и распоряжению им.

Акты международного права, использованные в Постановлении: постановления Европейского Суда по правам человека от 5 января 2000 года по делу «Бейелер (Beyeler) против Италии» и от 6 декабря 2011 года по делу «Гладышева против России», от 13 сентября 2016 года по делу «Кириллова против России», от 17 ноября 2016 года по делу «Аленцева против России» и от 2 мая 2017 года по делу «Клименко против России».

Постановление от 27 июня 2017 года № 17-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 17 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201706290005; дата опубликования: 29.06.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на социальное обеспечение; государственная поддержка инвалидов; дети-инвалиды; обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств; компенсации страховых премий; законные представители ребёнка; защита прав и законных интересов ребёнка.

Заявитель: мировой судья судебного участка № 1 Выксунского судебного района Ни-

жегородской области (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: абзац первый пункта 1 статьи 17 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в той мере, в какой содержащееся в нём положение служит правовым основанием для выплаты имеющим транспортные средства законным представителям детей-инвалидов, нуждающихся по медицинским показаниям в обеспечении транспортным сред-

ством, денежной компенсации в размере 50 процентов страховой премии, уплаченной ими по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статьям 2, 7 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции РФ, поскольку допускает такое его истолкование в правоприменительной практике, которое препятствует частичному возмещению затрат законных представителей детей-инвалидов на страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств в случаях, когда транспортное средство принадлежит не ребёнку-инвалиду, а его законному представителю.

Итоговый вывод решения: признать обжалуемое законоположение не противоречащим Конституции РФ, поскольку оно — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагает возможности отказа в выплате законному представителю ребёнка-инвалида, нуждающегося по медицинским показаниям в транспортном средстве, компенсации в размере 50 процентов от уплаченной страховой премии по договору обязательного страхования лишь на том основании, что владельцем транспортного средства, фактически используемого для обеспечения нужд ребёнка-инвалида, является не сам ребёнок-инвалид, а его законный представитель.

Мотивы решения. В первоначальной редакции Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (части 5–8 статьи 30) инвалиды, имеющие соответствующие медицинские показания, обеспечивались автотранспортными средствами бесплатно или на льготных условиях; дети-инвалиды, достигшие пятилетнего возраста и страдающие нарушением функций опорно-двигательного аппарата, обеспечивались автотранспортными средствами на тех же условиях с правом управления этими транспортными средствами взрослыми членами семьи; при этом техническое обеспечение и ремонт автотранспортных средств, принадлежащих инвалидам, осуществлялись вне очереди на льготных условиях и в порядке, установленных Правительством РФ, а инвалидам и родителям детей-инвалидов компенсировались

расходы, связанные с эксплуатацией специальных автотранспортных средств; инвалидам, имеющим соответствующие медицинские показания для бесплатного получения автотранспортного средства, но не получившим его, а также по их желанию вместо получения автотранспортного средства предоставлялась ежегодная денежная компенсация транспортных расходов.

Федеральным законом от 23 октября 2003 года № 132-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам реабилитации инвалидов» Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» был дополнен статьёй 111, которой средства для передвижения (в том числе транспортные средства с ручным управлением) были отнесены к техническим средствам реабилитации инвалидов, а часть восьмая его статьи 30 была изложена в новой редакции, предусматривающей, что ежегодная денежная компенсация расходов, связанных с эксплуатацией транспортных средств, выплачивается как инвалидам (в том числе детям-инвалидам), обеспеченным такими транспортными средствами в соответствии с данным законом, так и гражданам, относящимся к той же категории, имеющим соответствующие медицинские показания, но приобретшим транспортные средства за собственный счёт.

В связи с введением Федеральным законом от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ новой системы предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан инвалиды утратили право на получение транспортных средств и материальных компенсаций за них из средств федерального бюджета, а средства для передвижения (в том числе транспортные средства с ручным управлением) были исключены из предусмотренного Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» перечня технических средств реабилитации инвалидов.

В настоящее время государство гарантирует инвалидам проведение реабилитационных мероприятий, получение технических средств и услуг за счёт средств федерального бюджета в объеме, предусмотренном Федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, в кото-

рый транспортные средства не включены (статья 10 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»).

Учитывая значимость транспортного средства для обеспечения жизнедеятельности инвалидов и с целью смягчения для тех из них, кто нуждается в транспортных средствах по медицинским показаниям, финансового бремени, с которым сопряжено исполнение владельцами транспортных средств обязанности по страхованию риска своей гражданской ответственности, федеральный законодатель, вводя обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, предусмотрел предоставление инвалидам, имеющим транспортные средства, компенсации в размере 50 процентов от уплаченной ими по договору страховой премии.

Изначально данная мера социальной поддержки предоставлялась исключительно инвалидам, получившим транспортные средства через органы социальной защиты населения, и при условии использования транспортного средства лицом, имеющим на неё право, и ещё не более чем одним водителем. Поскольку с 1 января 2005 года инвалиды утратили право на обеспечение транспортными средствами через органы социальной защиты бесплатно или на льготных условиях, круг лиц, имеющих право на получение компенсации в размере 50 процентов от уплаченной страховой премии по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также условия, при которых эта компенсация может быть выплачена, были изменены.

Как следует из абзаца первого пункта 1 статьи 17 Федерального закона № 40-ФЗ в ныне действующей редакции, к числу получателей компенсации части страховой премии, уплаченной по договору обязательного страхования, в настоящее время относятся не только взрослые инвалиды, но и дети-инвалиды, а также законные представители инвалидов (детей-инвалидов).

Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их возникает в полном объёме по достижении совершеннолетия; за несовершеннолетних, не достигших четыр-

надцати лет, сделки могут совершать от их имени только их законные представители; несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, по общему правилу, совершают сделки с письменного согласия своих законных представителей (пункт 1 статьи 21, пункты 1 и 3 статьи 28, пункт 1 статьи 26 ГК РФ). Поскольку транспортное средство представляет собой дорогостоящее имущество, приобретение которого не только предполагает совершение необходимых юридически значимых действий, но и влечёт возложение на владельца транспортного средства ряда дополнительных обязанностей, связанных с его эксплуатацией и предполагающих распоряжение денежными средствами (обязательное страхование гражданской ответственности, уплата транспортного налога, прохождение технического осмотра и др.), дети-инвалиды, не имеющие, как правило, собственных доходов, могут приобретать необходимые им по медицинским показаниям транспортные средства лишь посредством действий и на средства своих законных представителей.

Кроме того, принимая во внимание, что необходимыми условиями для получения права на управление таким транспортным средством, как легковой автомобиль, являются достижение совершеннолетия и отсутствие медицинских противопоказаний к управлению транспортными средствами, указание в индивидуальной программе реабилитации ребёнка-инвалида на его нуждаемость в транспортном средстве предполагает использование приобретённого в целях обслуживания ребёнка-инвалида транспортного средства его законным представителем.

С учётом этого транспортные средства, предназначенные для обеспечения проезда детей-инвалидов к социально значимым учреждениям и другим объектам, как правило, приобретаются не в собственность детей-инвалидов, не способных в силу возраста или состояния здоровья управлять ими, а в собственность их законных представителей, которые, будучи призванными действовать в интересах детей-инвалидов, обязаны использовать такие транспортные средства — при условии нуждаемости в них детей-инвалидов в соответствии с предусмотренными в их индивидуальных программах реабилитации медицинскими показаниями — именно в целях обслуживания детей-инвалидов.

Иное истолкование абзаца первого пункта 1 статьи 17 Федерального закона № 40-ФЗ не только нарушало бы конституционные принципы справедливости, юридического равенства, а также правового и социального государства, но и снижало бы эффективность системы мер социальной поддержки детей-инвалидов и лиц, осуществляющих социально значимую функцию воспитания и ухода за ними.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Декларация о правах инвалидов (принята Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 года); Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 года) (пункт 6); Конвенция о правах инвалидов (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года) (преамбула, статьи 7, 28); Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) (статья 23).

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев, Тамилла Иманова, Димитрий Медников, Александра Урошлева. Редактор: Лев Иванов.

Библиографическое описание:

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации: апрель – июнь 2017 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 142–156.

Review of judgments of the Russian Constitutional Court April – June 2017

Citation

(2017) *Obzor postanovleniy, vynesennykh Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii: aprel' – iyun' 2017 goda* [Review of judgments of the Russian Constitutional Court: April – June 2017]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 142–156. (In Russian).